

ЖНЕЦ

ДЖИН
СТРАТТОН-ПОРТЕР

Джин Страттон-Портер

Жнец

<https://litres.ru/74073231>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дэвид Лэнгстон, известный как Жнец, живёт в гармонии с дикой природой Индианы, выращивая лекарственные травы и веря в целительную силу леса. Однажды он встречает Рут — сломленную болезнью и горем девушку, бежавшую из города. Чтобы спасти её, Дэвид предлагает фиктивный брак: он даст ей кров и заботу, но не коснётся как муж, пока она сама не придёт к нему с настоящей любовью.

Вдали от городской суеты, среди шелеста деревьев и пения ручьёв, Рут постепенно исцеляется телом и душой. Она учится понимать язык природы, находит своё призвание в рисунке и открывает в Дэвиде человека редкой чистоты и силы. Но сможет ли благодарность перерасти в то чувство, которого так ждёт Жнец?

«Жнец» Джин Страттон-Портер — это не просто история любви, а гимн труду, достоинству и природе. Роман о том, как терпение и уважение способны воскресить душу, и о любви, которая не подчиняет, а освобождает. Книга для тех, кто ценит искренность, психологическую глубину и прозу, дышащую жизнью.

Содержание

От редактора	4
ГЛАВА I. РЕШЕНИЕ БЕЛШАЗЗАРА	9
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Джин Страттон-Портер

Жнец

От редактора

Джин Страттон-Портер (1863–1924) — имя, которое в России долгое время оставалось достоянием лишь узкого круга библиофилов. В пантеоне американской литературы начала XX века она стоит особняком: не среди авторов «потерянного поколения» с их экзистенциальной тоской, а среди тех, кто писал о земле под ногами, о тишине леса и о негибимой силе человеческого духа. Натуралист, фотограф и иллюстратор по призванию, она превратила свою страсть к природе Индианы в прозу мирового уровня. Её книги рождались не в тиши кабинета, а в грязи, дожде и пении птиц, что придаёт её текстам документальную достоверность и пронзительную искренность, лишённую искусственной красоты.

Роман «Жнец» (1911), который вы держите в руках, — вершина творчества Страттон-Портер. На первый взгляд это классическая история исцеления любовью: одинокий мужчина, живущий в лесу, спасает измождённую городскую девушку. Но сводить книгу к этому сюжету — значит не увидеть её главного. Это роман о труде как форме служения, о

достоинстве человека, неразрывно связанного с землёй, и о любви, которая не требует жертв, а дарует свободу. Герой романа, Дэвид Лэнгстон, — не просто фермер или травник; он прообраз современного эколога, видящий в каждом корне и листе не товар, а часть великого замысла. Для читателя XXI века, уставшего от урбанизации и информационного шума, эта философия звучит удивительно актуально.

Однако путь этой книги к русскому читателю был непростым. В СССР Джин Страттон-Портер издавалась крайне мало и выборочно; последний раз «Жнец» выходил в русском переводе в 1920-х годах. Те издания сегодня являются библиографической редкостью и артефактами музейного значения. Фактически, для широкой аудитории этот шедевр оставался неизвестным почти столетие.

Настоящее издание — не репринт старого перевода, а новая литературная адаптация, выполненная специально для современного читателя. Перед нами стояла сложнейшая задача: убрать вековую пыль и признаки устаревшей переводческой школы, сохранив при этом душу оригинала. Мы стремились к тому, чтобы текст воспринимался не как перевод хорошего американского романа начала прошлого века, а как полноценная русская художественная проза. Это означало отказ от буквализма и калькирования английского синтаксиса в пользу естественного русского ритма и интонации. Диалоги были очищены от книжности и канцеляризма, чтобы герои заговорили живыми голосами; философские мо-

нологи, столь характерные для эпохи, были адаптированы так, чтобы они звучали как убеждения живого человека, а не как авторские лекции. При этом мы бережно сохранили историческую атмосферу, культурный контекст и уникальную стилистику Стрэттон-Портер, чья проза всегда балансирует между реализмом и поэзией.

«Жнец» — это напоминание о том, что настоящая литература не стареет. Она может быть забыта на время, но всегда возвращается, когда мир снова начинает нуждаться в тишине, искренности и вере в то, что человек способен жить в гармонии с миром, не разрушая его. Эта книга найдёт отклик у тех, кто ценит качественную прозу, у поклонников жанра «медленного чтения» и дауншифтинга, и у всех, кто устал от цинизма и ищет истории о благородстве, которое не выглядит наивно.

Мы надеемся, что благодаря этой работе голос Джин Страттон-Портер зазвучит для русского читателя так же ясно и сильно, как и сто лет назад, но уже на родном языке, понятном сердцу нашего времени.

ГЛАВА I. РЕШЕНИЕ БЕЛШАЗЗАРА

— Бел, иди сюда!

Дэвид сидел на крыльце из тёсаных брёвен. Ступени эти за долгие годы протоптали его отец, мать и он сам. Он приклонился спиной к косяку и позвал:

— Бел, иди сюда!

Пёс лежал, вытянувшись на гравии, и только кончик носа касался земли между лап. Ни одна мышца не дрогнула, лишь тёмные глаза неотрывно следили за хозяином.

— Бел, иди сюда!

Дэвид повторил команду строже и протянул к псу худую, жилистую руку. Звериные глаза блеснули, чуткий нос задрожал, но пёс остался лежать.

— Белшаззар, kommen Sie hier!

Пёс выпрямился на прямых лапах и положил морду ему на ладонь. Ветер с озера принёс запах тающего снега и набухших почек, взъерошив светлые волосы на лбу Дэвида. Косой луч заходящего солнца ударил в воду, осветив резкие, подвижные черты его лица — сейчас в них читался острый интерес к игре.

— Бел, помнишь этот день?

Пёс напрягся, в глазах мелькнула тревога. Он не помнил,

но ждал знакомого слова — подсказки, что от него требуется.

— Ты наверняка слышал, как ночью кричали чибисы, — продолжил Дэвид. — Я ещё обращал твоё внимание, когда первый лазурный дрозд разбудил рассвет. Весь день ты видел, как золотятся ивовые прутья, как сочатся соком клёны, видел весенние приметы на солнечной стороне пригорка.

Пёс не понимал слов, но узнал любимые интонации в мягком голосе хозяина. Хвост застучал по бокам — энергичное одобрение. Дэвид серьёзно кивнул.

— Ага. Значит, понимаешь: день сегодня особенный, а час — торжественный. Он определит всю мою дальнейшую жизнь. Пора тебе, как каждый год, решить мою судьбу. Ты уверен, что осознаёшь всю серьёзность, Бел?

Пёс, почуяв в вопросительной интонации своё имя, почувствовал себя в безопасности и снова завилял хвостом.

— Что ж, — Дэвид не отводил взгляда от собачьих глаз. — Как будет? Еду в город, в шум и грязь, открываю контору и лезу в эту денежную круговерть?

Каждое слово было псу чуждо. Он затаил дыхание, ожидая знакомого слога. Дэвид выдержал долгую паузу, затем продолжил:

— Или остаюсь дома? Собираю желтокорень, коровяк и женьшень. Не упускаю случая половить чёрного окуня или побродить с ружьём на куропаток и кроликов?

Пёс узнал каждое слово. Ещё до того, как голос хозяина стих, его гладкие бока задрожали, ноздри затрепетали, хвост

заработал как хлыст. На паузе он подскочил и ткнулся мордой Дэвиду в лицо. Тот откинулся назад, смеясь глубоким, грудным смехом, затем погладил пса одной рукой, а другой крепче сжал ошейник.

— Молодец, старый Бел! — торжествующе крикнул он. — Шесть лет ты решаешь за меня, и каждый раз в точку! Мы с тобой лесные, Бел. Родились и выросли здесь, как до нас наши отцы. Что нам делать в городе с нашим-то костром, длинной тропой, поисками в земле? Нам, сборщикам трав, что нужны знаменитым химикам? Что нам делать в городе, когда поднимается сок, плещется окунь, а дикие гуси курлычут в ночи? Мы бы этого не вынесли, Бел.

Когда мы сегодня везли тсугу в госпиталь, ты слышал, как тот молодой доктор говорил о своей «крыше»? Так вот, наша крыша — там, старик. Только небо и облака над головой, лесной ветер в лицо, дикий аромат в ноздрях, грязь на ногах. Вот наша жизнь. У нас такая кровь, мы так долго живём здесь, что это стало страстью. Если ты когда-нибудь приговоришь нас к жизни в городе, ты погубишь нас обоих. Но ты не станешь, верно? Ты понимаешь, для чего Бог создал нас и что Он создал для нас, правда, Бел?

Он гладил пса по голове, тот дрожал от восторга. Затем голос Дэвида изменился, упав до тона высочайшей серьёзности.

— А как насчёт другого дела, Бел? Ты и это всегда решаешь. Время снова пришло. Тише теперь. Это куда важнее.

Просто сгнить в земле, Бел, и вся недолга — это ерунда, и касается это только нас. Но впустить в жизнь горе и жить с ним каждый день — вот что разорвёт душу. Так что осторожнее, Бел. Осторожно.

Голос перешёл на шёпот:

— Как насчёт женитьбы?

Пёс, дрожа от нетерпения угодить и получить ласку, заколебался. Непривычные слова и интонации сбили его с толку.

— Я продолжу, как делал это с тех пор, как мать меня оставила: добываю пропитание, живу в полной свободе? Продолжаю, как раньше, Бел?

Дэвид замолк, с тревогой вглядываясь в звериную морду. Он так долго разговаривал с этим псом, как другие беседуют с собственной душой, и играл в эту игру с таким напряжённым усердием, что считал результат окончательным. Животное замерло, снова потерявшись. Тревожные глаза следили за лицом хозяина, чуткие уши ждали знакомых слов. Прошло много времени, прежде чем Дэвид продолжил — медленно, неуверенно, опасаясь исхода. Он не замечал, что в его голосе достаточно тревоги, чтобы изменить тон.

— Или в этом году я пойду свататься? Напялю неудобное готовое платье из лавки, буду красоваться перед деревенскими и городскими девицами и пытаться уговорить ту, что достанется — скорее всего, не ту, что хотелось бы, — выйти за меня, приехать сюда и испортить нам всё удовольствие? Нам нужна баба, которая будет пилить, если нас не будет дома,

скулить от одиночества, требовать роскоши, которую мы не можем себе позволить? Ты что, втянешь нас в такую переделку, Бел?

Пёс больше не мог терпеть эту необычную сцену. Приняв вопросительную интонацию за сигнал, а своё имя — за подтверждение, он рванулся вперёд, виляя хвостом, и ткнулся носом в лицо Дэvidу. Затем пронёсся через двор и залёг в густых кустах пряных трав. Он чувствовал, как ломит рёбра на одном боку, и завыл из самых глубин собачьего отчаяния.

— Ах ты неблагодарная скотина! — крикнул Дэвид. — Что на тебя нашло? Шесть лет я тебе доверял, и ответ был правильным, каждый раз! Тьфу на тебя! Приговариваешь меня к этим девичьим играм! Да ну тебя! Ты понимаешь, что это значит? Первым делом тебя посадят на цепь, а я буду носиться по округе как жеребец-двухлетка, пытаюсь привлечь какую-нибудь девицу. Мне придётся тратить время, нужное для работы, и спускать деньги, которые могли бы лежать под проценты, пока мы спим, чтобы соблазнять её подарками. Придётся перестраивать избу, а шансов десять к одному, что она будет пилить меня, требуя переехать в город, и я буду устраивать ей тут лучший быт, какой смогу. Из всех дурацких, ненадёжных псов, что когда-либо ходили по следам человека, ты просто предел! И ты ни разу раньше меня не подводил! Ах ты, выродок проклятый!

Дэвид перевёл дух. Пёс перешёл на жалкий скулеж. Он рванулся вернуться к человеку, который впервые в жизни уда-

рил его, избалованное создание, но не мог понять, за что его пнули и ругают. Поэтому лежал, дрожа от тревоги и страха.

— Воющий, скулящий идиот! — воскликнул Дэвид. — Выбрал такой день, чтобы всё испортить! Воздух, способный опьянить мумию! Корни набухают! Почвы лопаются! Скоро жатва, а ты сбиваешь меня с толку и заставляешь работать вот так, да? Если бы я хоть раз подумал, что ты совсем рехнулся, я бы и не спрашивал. Шесть лет ты решаешь мою судьбу, когда прилетает первый лазурный дрозд, и каждый раз был верен. Если я ещё раз тебе доверюсь! Но дело уже сделано.

Ты забыл, что твоё имя значит «защитник»? Не помнишь, что поэтому ты так назван? Защищай! Я бы доверил тебе свою жизнь, Бел! Ты спас меня, когда указал на гремучую змею в шести дюймах от моих пальцев на грядке сангвинарии. Ты вовремя увидел падающую ветку. Ты всегда знаешь, где зыбучие пески. А сейчас ты защищаешь меня, как грех, да? Привести сюда бабу, чтобы испортить нам обоим жизнь! Только если я себя не помню! Защищай!

Дэвид встал, вошёл в избу и закрыл дверь. Пёс впал в такое глубокое, жалкое уныние, что две большие слезы выдавились из его глаз и покатались по морде. Быть закрытым снаружи было хуже удара. Он даже не стал подниматься с мокрых листьев, устилавших холодную землю. Просто закрыл глаза и уснул.

Дэвид прислонился к двери и провёл пальцами по воло-

сам, про себя проклиная пса. Медленно его взгляд обежал комнату. Сбитая кровать у открытого окна, выходящего на озеро. Небольшой стол с письменными принадлежностями. Грубая полка на стене, заставленная медицинскими справочниками, ботаническими атласами, фармацевтическими энциклопедиями, книгами немногих интересных ему авторов. Голый пол в следах засохшей грязи.

Он прошёл на кухню, растопил плиту, сходил в коптильню и вернулся с куском ветчины и яйцами. Поставил вариться картошку, достал из кладовой хлеб, масло и молоко. Затем положил перед собой небольшую записную книжку и стал изучать дневные сделки.

10 ф. коры дикой вишни 6 центов \$.60

5 „ коры корня бересклета 25 „ 1.25

20 „ коры гамамелиса 5 „ 1.00

5 „ корня ириса 12 „ .60

10 „ змеиного корня 18 „ 1.80

10 „ кровавого корня 12 „ 1.20

15 „ шандры 10 „ 1.50

\$7.95

— Неплохо, — пробормотал он, склонившись над цифрами. — Интересно, кто из соседей по сезону собирает так же хорошо. Держу пари, что никто. Вполне прилично! В некоторые дни не выходит, но зато когда уходит партия семян или требуется женьшень, наличные приходят очень кстати.

Я мог бы спустить половину на бабу и всё равно скопить. Но где найти такую, которой хватит половины? Ей нужно всё, и она будет пилить, что мало. Тьфу, собака!

Он сунул книгу в карман, приготовил и съел ужин, щедро насыпал полную тарелку, поставил её на пол под стол и убрал оставшуюся еду.

— Не то чтобы ты заслужил, — сказал он в пустоту. — Это в честь твоего громкого имени и той верности, с которой ты раньше оправдывал его смысл. Если бы ты был псом с большим умом, чем у некоторых людей, я бы не так тяжело принял, что ты меня сейчас подвёл. Можно подумать, животное твоего ума не понимает, что тебе достанется та же доля. Она бы тебе позволила жрать с тарелки на кухне? Да ни в жизнь, Белшаззар! Замороженные объедки под дверь! Она бы разрешила тебе спать в ногах кровати? Ха-ха-ха! Она бы позволила тебе ходить по её полу в грязи? Тебе место в сарае, да ещё и рычать будешь. Если бы я поступил по справедливости, я бы дал тебе порцию и посмотрел, каково тебе. Но это стрелять себе в ногу, как говорится в пословице, потому что что бы она ни сделала с псом, с человеком она поступит ещё хуже. Думаю, не стоит!

Он прошёл в гостиную и остановился перед длинной полкой, где стоял ряд незаконченных подсвечников, вырезанных из дерева. Чёрный и белый орех, красный, белый и золотой дуб, вишня и фигурный клён — все в оригинальных узорах. Некоторые были диковинными, другие неудачными, но

большинство получилось на редкость удачным. Он выбрал один из чёрного ореха, вырезанный настолько, что едва угадывался контур. Ствол дерева с корой, раскидистые корни, поросшие папоротником, расширяющиеся к основанию, от которого тянулась лоза. Ближе к вершине был грубый контур крупной ночной моли, ползущей на свет. Дэвид стоял, поворачивая заготовку в руках и держа её на расстоянии для осмотра.

— Я тебя одолею! — торжествующе сказал он. — Линии верные. Всё на своём месте, складно выходит. Если и будет трудность, то с молью, но я справлюсь. Скоро нужно решить, какую использовать: цекропию или полифему. Вообще, на орехе и в лесу, по вечным законам природы, это должна быть лунная моль... но я боюсь длинных хвостов. Они заворачиваются и сворачиваются наполовину, так что, пожалуй, для начала не буду за них браться. Начну с самой простой, а если получится, продублирую узор и попробую лунную. Красавицы!

Дэвид выбрал нож из коробки и начал медленно, осторожно резать дерево. Мысли его работали, и вскоре он посмотрел на пол.

— Ей бы это не понравилось! — решительно сказал он. — Мужчина не может просто сидеть и работать, где ему вздумается, как не может и летать. По крайней мере, я знаю, мать бы никогда этого не потерпела, а она ведь не была пилотом. Что это была за мать! Если бы только можно было остановить

это одиночество, что заползает внутрь, и ноющую, врождённую тоску по спутнице; если бы только можно было утолить её женщиной, как мать! Как она упивалась солнцем и красотой! Как любила землю и воздух! Как шла прямо к сути лучшей строки в лучшей книге, что я мог принести из библиотеки! Как чиста и верна она была, как непоколебима! Я слышу её сейчас, она последним дыханием берёт с меня обещание. Если бы я мог жениться на девушке, похожей на неё... великий Цезарь! Ты бы увидел, как я покупаю автомобиль, чтобы мчаться к секретарю окружного суда. Разве не здорово? Представь: возвращаешься после долгого, трудного дня, а тебя ждёт горячий ужин и девушка, такой она должна быть! Бел, если бы я думал, что в мире есть женщина, похожая на неё, и у меня был бы хоть призрачный шанс её завоевать, я бы позвал тебя и простил. Но я знаю нынешних девиц. Я встречаю их на дорогах, на улицах, вижу в кафе, магазинах и библиотеке. Даже медсёстры в госпитале, при всей серьёзности их положения, — это хихикающая, глупая толпа, и они никогда не знают, что единственное, когда они выглядят и ведут себя пристойно в моих глазах, это когда они замолкают, надевают форму и идут работать. Некоторые из них тогда красивы. Есть одна голубоглазая малышка, но ей только перьев не хватает, чтобы стать диковинной птицей. Тьфу, собака проклятая!

Дэвид взял подсвечник и коробку с ножами, открыл дверь и вернулся на крыльцо. Белшаззар встал, в глазах читалась

мольба, и он осторожно сделал несколько шагов вперёд. Хозяин склонился над работой и не обращал на него ни малейшего внимания, поэтому удручённый пёс опустился на землю и неотрывно смотрел на безучастного человека. Резьба по подсвечнику шла своим чередом. Время от времени Дэвид поднимал голову и глубоко вдыхал полной грудью. Иногда на секунду он окидывал взглядом поверхность озера, ища всплеск рыбы или перелётной водной птицы. Снова его взгляд блуждал вверх по крутому холму, увенчанному гигантскими деревьями, чьи набухшие почки он видел и чувствовал их запах. Прямо перед ним лежало низкое болото, через которое извивался маленький ручей, журча и скачываясь с холма, пересекал дорогу ниже по течению и впадал в озеро Потерянных Гагар.

Пока деревья стояли голые, а воздух был чист, он мог видеть шпили Онабаши, в пяти милях отсюда, возделанные поля, лесные просторы, длинную чёрную ленту железной дороги и заболоченные низины, постепенно поднимающиеся к вершине холма, увенчанного деревьями. Его петухи бросали воинские вызовы соперникам на соседних фермах. Куры распевали свои весенние песенки. На скотном дворе пронзительно кричали гусаки. Над озером и хижинкой, хлопая белоснежными крыльями, кружили его белые голуби в последнем радостном полёте, прежде чем отправиться в голубятню на чердаке конюшни. По мере того как свет тускнел, Дэвид работал медленнее. Часто он прислонялся к косяку и закры-

вал глаза, чтобы дать им отдых. Иногда он насвистывал обрывки старых песен, на которые его убаюкивала мать, а затем куски опер и популярные мелодии, которые слышал на улицах Онабаши. Пока он работал, солнце село, и над лесом по ту сторону озера появилась половина луны. Сначала она висела серебряной чашей на ветви гигантского дуба; выше, она покоилась перевернутым серпом на краю облака.

Пёс ждал, пока не смог больше терпеть. Выпрямившись, он сделал несколько бархатных шагов вперёд, издавая слабые, скулящие звуки в горле. Когда Дэвид ни повернул голову, ни бросил на него взгляда, Белшаззар снова опустился на землю, удовлетворённый на данный момент тем, что стал чуть ближе. Через озеро Гагар донеслась дрожащая брачная песнь ночной птицы. Дэвид вспомнил, что в детстве боялся этих звуков, пока мать не объяснила, что их издаёт маленькая бурая сова, зовущая подругу жить в её дупло. Теперь ему скорее нравился этот звук. В нём слышалась искренняя мольба. С одинокой птицей по одну сторону и укоризненными собачьими глазами по другую, Дэвид глуповато ухмыльнулся.

Меж двух огней, думал он. Если этот пёс когда-нибудь поймает мой взгляд, он примчится как вихрь, и я бы не отдал и сотни долларов, чтобы не пнуть его снова. Первый раз в жизни я его ударил, да и то не специально. Так разозлился и расстроился, что нога сама вылетела, прежде чем я сообразил. Вот он лежит полумёртвый, чтобы помириться, но

проклянут, если я его скоро прощу. А тут ещё эта чокнутая совушка орёт, требуя подругу. Если я начну издавать такие звуки, все девицы выстроятся в очередь, чтобы получить мой счастливый дом.

Дэвид рассмеялся. При этом звуке Белшаззар осмелел и продвинулся на пять шагов, прежде чем снова лечь брюхом на землю. Сова продолжала свою песню. Дэвид имитировал крик, и она тут же отозвалась. Он крикнул снова и откинулся назад, ожидая. Звуки стали ближе. Дэвид крикнул ещё раз и вгляделся через озеро, выискивая тень бесшумных крыльев. Луна теперь высоко поднялась над деревьями. Нож упал в коробку, длинные пальцы сомкнулись вокруг палки, голова прислонилась к косяку. Дэвид издал крик со всем своим мастерством, а затем смотрел и ждал. Он так напрягал глаза над резьбой, что они устали, и когда он всматривался в птицу, лунный свет раздражал их. Он касался легко рябящих волн озера линией жёлтого света, которая тянулась прямо через воду от противоположного берега, прямо к галечной отмели внизу, где была купальня. Он создавал путь золота, который колыхался и мерцал, когда вода мягко двигалась, но казался достаточно осязаемым, чтобы напоминать мост, перекинутый через озеро.

— Кажется, по нему можно идти, — пробормотал Дэвид.

Сова крикнула снова, и Дэвид напряжённо смотрел на противоположный берег. Он не видел птицы, но в глубоком лесу, где, как ему казалось, она могла быть, начал различать

туманное, движущееся белое мерцание. Удивляясь, он вгляделся внимательнее. Так медленно, что он не мог уловить движения, оно приближалось, увеличиваясь в высоте и принимая форму.

— Неужели день закончится тем, что я увижу призрака? — спросил он себя.

Он смотрел пристально и увидел, что белая фигура действительно двигалась в лесу на противоположном берегу.

— Должно быть, пацаны дурят! — воскликнул Дэвид.

Он замер, затаив дыхание. Потому что белый объект направился прямо к воде и на самом краю без колебаний ступил на золотой мост и легко, свободно двинулся в его сторону. Дэвид ждал. Фигура приближалась, и по мере того как она становилась ближе, он мог видеть, что это очень высокая, невероятно стройная женщина, окутанная мягкими белыми одеждами. Она ступала по тонкой линии золотого моста с непревзойдённой грацией.

Над водой поднялся светящийся туман, и за наступающей фигурой стена света очертила и обрамила её в золотую оправу. По мере того как она приближалась к берегу, сердце Дэвида забилося чаще, и его губы приоткрылись от изумления. Сначала в ней угадывалась тонкая берёзка, потом — дикая лилия, и вскоре она оказалась достаточно близко, чтобы доказать, что она молода и очень красива. Тяжёлые косы тёмных волос лежали на её голове короной. Лоб был низким и белым. Глаза — широкими, тёмными омутами, округлые

щёки слегка розовели, а красные губы улыбались, маня. Шея была длинной, очень белой, а руки, подхватившие пушистую одежду, были розовыми и тонкими. В панике Дэвид увидел, что шлейф одежды касался зыбкой золотой воды, но не намочал; ступни, которые попеременно показывались, когда она шла, не были синими от холода, а тёплыми, с розовым отливом.

Она шла прямо к нему, чудесная, манящая, прекраснее любой женщины, которую когда-либо видел Дэвид. Тут же плотины двадцати шести лет сдержанности прорвало в груди мужчины, и всё его существо рванулось к ней в едином порыве. Она шла, и теперь её нежные ступни были на белом гравии. Когда он мог ясно видеть, она была ещё красивее, чем казалась на расстоянии. Он разомкнул губы, но звук не вышел. Он отчаянно пытался встать, но ноги не держали его веса. Беспомощный, он осел на косяк. Девушка подошла к его ногам, наклонилась, положила руку на каждое его плечо и улыбнулась в его глаза. К нему донёсся цветочный аромат её тела и одежды, даже её волос. Он отчаянно пытался заговорить с ней, пока она наклонялась всё ближе, ближе, и мягко, но твёрдо прижала свои сладкие, живые губы к его губам в неторопливом поцелуе.

Дэвид был на ногах. Белшаззар вжался в тень.

— Вернись! — крикнул мужчина. — Вернись! Ради всего святого, где ты?!

Он побежал, спотыкаясь, к озеру. Золотой мост был там,

маленькая сова кричала одиноко; и видел ли он, или ему только приснилось, что увидел туман белого, исчезающий в противоположном лесу?

Его дыхание вырывалось между сухих губ. Он обошёл вокруг хижины, жадно ища, но не мог ничего найти, ничего услышать, кроме пса у его пяток. Он поспешил к крыльцу и встал, глядя на расплавленную лунную тропу. Минуту его бил озноб, в следующую его окутало жаркое сияние. Медленно он поднял руку и коснулся губ. Затем он отвёл глаза от воды и обвёл небо пронзительным взглядом.

— Господи Боже мой, — благоговейно произнёс Дэвид.
— Неужели она будет такой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.